ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 329

Е. М. ГУРАРИЙ

Проблема политического пространства связана с пониманием его роли и предназначения в пространстве как таковом. Одним из ключевых вопросов данной работы, в частности, является, с одной стороны, определение источника формирования политического пространства, с другой — понимание результатов процессов в политическом пространстве. Чтобы ответить на эти вопросы, представляется возможным попытаться «кристаллизовать» политическое пространство путем выделения из феномена пространства его основных видов с целью последующего анализа их специфических черт и характеристик, а также понимания границ переходов между ними.

Сравнивая различные подходы к определению понятия пространства, можно выделить два основных направления:

1. «Ньютонианское», признающее независимое пространство, состоящее из точек, в которых могли в различные моменты времени появляться тела. Его основной характеристикой является то, что пространству предписывается самостоятельность и самодостаточность, полная независимость от тел, вещей и процессов, размещенных внутри него. В рамках такого представления вряд ли можно продолжать исследование пространства, его специфических черт и основ, поскольку само пространство понимается как пустота, а пустота как таковая не включает в себя подпространства, не может быть первоосновой зарождения новых процессов и взаимодействий. Пространство такого рода «равнодушно» к любому содержанию, наполняющему его, и представляет некую универсалию.

2. «Эйнштейновское», представляющее пространство как форму, выражающую определенные способы координации материальных объектов и их состояний. Содержанием этой формы является движущаяся материя, материальные процессы, и именно особенности и характер последних определяют их основные свойства [1, с. 175]. По сути, пространство образуется взаимоотношением расположенных в нем материальных объектов. Подобное понимание пространства мы можем увидеть еще в трудах Аристотеля, который уделял особое внимание категории неба, которую он понимал как «крайнюю границу всего существующего, последнюю периферию всей цельности и единства, из которых состоит мир» [2]. Под небом понимается само пространство и все содержание этого пространства, которое находится между верхним небом и нижним, в котором совершаются все небесные явления. Категория пространства так или иначе связана, в первую очередь, с взаиморасположением индивидов по отношению друг к другу, их позициями, статусами, взаимовлиянием. Рассуждая о пространстве, мы понимаем его как сложноорганизованный целостный объект, то есть не просто совокупность взаимодействующих элементов и структур, а системно организованное целое.

Эйнштейн в своих исследованиях делает акцент на шкале измерения пространства, говоря о том, что для описания событий в природе нужно применить не два, а четыре числа. Трехмерное пространство фиксирует статическую картину и положение объекта в ней; что касается четырехмерного континуума, при помощи которого Эйнштейн описывает пространственно-временную составляющую, то «каждой точке в пространственно-временном континууме соответствует пара чисел, одно из которых отмечает временную, а другое — пространственную координату. И наоборот: определенная точка в нашем пространственно-временном континууме соответствует некоторой паре чисел, характеризующей событие [3]. Данными выводами ученый однозначно отделяет пространство физическое, характеризующееся статикой, от пространственно-временной плоскости, основной особенностью которой является динамика существования и развития.

Физическое пространство — базовый, первичный вид пространства, в определенной степени его первооснова. В данном понимании признается телесность пространства — оно рассматривается с точки зрения субстантивизма. Основным фактором, признающим реальность пространства, является наличие в нем людей, выступающих материальной субстанцией пространства [4]. При этом отношения между людьми внутри пространства не имеют значения для его существования. Пространство играет роль вместилища для материальных объектов, которое в свою очередь упорядочивает их существование. Можно предположить, что с точки зрения социально-политической науки физическое пространство ограничивается институтом государства, который обладает определенными границами, статусом, правилами поведения на его территории.

Физическое пространство характеризуется однородностью и основывается на доминировании устойчивости, порядка и равновесия. Пространство представляет собой замкнутую систему, в которой преобладают линейные соотношения, где малый сигнал на входе вызывает равномерно во всей области определения малый отклик на выходе [5, с. 13]. Физическое пространство предполагает замкнутость развития этой среды, возможность управлять взаимодействиями индивидов и с точностью прогнозировать результаты таких взаимодействий, универсализацию и неизменность законов развития. Индивид здесь полностью поглощен государством, является лишь его внутренним наполнением. Такое видение обозначает господство порядка и стабильности основой для анализа любых научных проблем.

Физическое пространство — поле деятельности государства. Данному типу пространства свойственны внутренние дифференциации и противоречия. Политические отношения внутри такой модели пространства строятся сверху вниз и фактически определяются моделью государственного управления. Недифференцированность физического пространства обусловлена тем, что такая модель пространства полностью упорядочивает и иерархизирует отношения и связи между людьми, лишая их смысла и возможности изменяться. Физическая модель пространства оказывается адекватной в теоретических ситуациях с отсутствием социальных взаимодействий. Субстантивизм, в отличие от реляционного видения пространства, не предполагает наличия социальных практик, реализуемых индивидами.

В данной работе мы не можем сводить проблему пространства к его физической модели, только как к производной государства. В XX веке проблема пространства в силу роста «негосударственного» поля политики приобретает более глубокий и широкий смысл: не только как границы для применения властного воздействия, но и как регулятора множественных отношений и взаимоотношений, складывающихся на данной ограниченной территории. Во многом по этой причине мы говорим о переходе к другому виду пространства — пространству социальному. Переход пространства из одного вида в другой — отдельный вопрос. По сути этот процесс связан с усложнением пространства и степенью его дифференциации. Современные ученые осознанно разводят категории социального и политического пространств с пространством физическим и географическим. Например, П. Сорокин говорит в большей степени не о пространстве, а о многомерном пространственно-временном континууме, который упорядочивается через «социальные дистанции»: все участники этого континуума рассматриваются через отношение друг к другу по определенным основаниям. Некий субъект или явление принимается за «точку отсчета» [4], через которую определяется положение другого субъекта или явления. Соответственно, в данном случае ученый предлагает рассматривать пространство как некую иерархию участников пространства, упорядоченную присвоенными статусами и вертикальными и горизонтальными отношениями. Такое понимание пространства обосновывает отход от чисто физического восприятия этого феномена к более сложному видению. Справедливо обозначить этот вид категории пространства как социальное пространство. Будем считать социальное пространство вторым видом пространства, рассматриваемым нами. В этом разрезе нужно в первую очередь отметить организующую роль пространства применительно к наполняющим его субъектам. Пространство выступает определенным регулятором множества социальных групп и индивидов, вступающих во взаимодействие. Соответственно социальное пространство с точки зрения своего представления выступает уже не в роли государства (как пространство физическое), а образуется совокупностью позиций, которые занимают субъекты, наполняющие его. Понимание категории позиции является ключевым аспектом в объяснении социального пространства. Данное понятие подробно рассматривается в концепции социального пространства французского ученого П. Бурдье. Это т. н. «полевая» концепция, в которой пространство рассматривается в нелинейной системе координат. Социальное пространство в общем ученый представляет как «поле сил ... совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем, кто входит в это поле, и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к непосредственным взаимодействиям между ними» [6]. Пространство представляет собой непрерывное взаимодействие акторов, осуществляемое через те позиции, которые эти акторы занимают в пространстве.

Основным носителем социального пространства является социальная группа, объединяющая в себе акторов, занимающих определенные позиции. Социальные группы в пространстве реализуют стратегии — своеобразные системы практик, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. Соответственно важным

элементом, который еще отсутствует в пространстве физическом, но появляется в социальном пространстве, является взаимодействие между социальными группами и внутри них, которое может осуществляться в разных направлениях: выстраивание сотрудничества, борьба, подчинение, создание коалиций и т. д. Однако главная идея любого такого взаимодействия — накопление капитала, который позволяет социальной группе улучшить свою позицию в пространстве, что является основным бонусом за победу и дает возможность принимать участие во взаимодействиях нового уровня. Понимание проблемы взаимодействия в пространстве приводит к пониманию характеристик того или иного вида пространства и, что немаловажно, предназначения и роли этого пространства. В социальном пространстве мы видим появление категории взаимодействия между субъектами пространства, в результате которого в нем образуются определенные позиции, складываются каналы коммуникации, агенты накапливают капитал и т. д. Социальные взаимодействия и политика используются здесь как средство накопления капитала, улучшения своей позиции в пространстве и, соответственно, достижения господства. Иными словами, взаимодействие в социальном пространстве носит односторонний характер — мы видим в пространстве агентов, а не субъектов. Агент склонен к монополизации отношений, он позиционирует и воспринимает себя самого как субъект, для которого все остальные агенты пространства являются объектами. Социальное пространство в таком случае производно от отношений господства и подчинения, оно, как и физическое пространство, организовано иерархически, сверху вниз и основано на капитале, накапливаемом агентами. П. Бурдье видит капитал как средство борьбы за изменение положения его обладателя в пространстве: как правило, побеждает «тяжеловес», тот, кто обладает большим капиталом, различными видами капиталов, к которым автор относит экономический, социальный, культурный, символический типы. Капитал не только увеличивает авторитет и власть агента, эффективность политики, которую он реализует, но также создает ресурсы для манипулирования другими агентами, навязывания собственных представлений. В сущности, символический капитал есть капитал политический. Бурдье напрямую увязывает политику и власть с символической деятельностью и ее результатами в виде накопленного символического капитала.

Основное отличие социального пространства от пространства физического заключается в образе общества, которое выступает носителем пространства. Если в физическом пространстве общество по сути представляет собой государство — освоенную индивидами географическую территорию — с наличествующей обособленной территорией, на которую распространяется государственная власть и которая полностью определяет структуру и динамику пространства, то, изучая пространство социальное, мы приходим к другому выводу. Прежде чем сделать его, обратимся к концепции американского ученого Т. Парсонса, представляющей, пожалуй, некий синтез обозначенных выше идей в отношении формирования и обеспечения развития социальных и политических систем. В своей концепции «социального действия» он утверждает, что любая социальная (политическая) система строится на взаимодействиях индивидов. Причем сам индивид является не только объектом воздействия со стороны внешнего окружения, но и действующим лицом, обладающим определенными интересами, целями, установками, осуществляющим рациональную деятельность в отношении других индивидов [7, с. 102]. Образ общества в социальном пространстве опосредуется социумом. Если физическое пространство мы можем определить исходя из границ, которые его образуют, социальное пространство кристаллизуется позициями, занимаемыми субъектами в нем.

Усложнение социального пространства должно происходить до какого-то определенного предела, достигнув которого, мы можем увидеть нечто новое. И. Пригожин, обосновавший синергетическую теорию, утверждает, что все системы содержат подсистемы, которые непрестанно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций может стать настолько сильной, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент — т. н. точку бифуркации — невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, сложно дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности (превратится в т. н. диссипативную структуру) [5, с. 16]. Таким образом, мы подходим к рассмотрению следующего вида пространства. На этом этапе пространство характеризуется новым импульсом развития, которое в то же время может быть разрушением ранее образованных взаимодействий и структур. Это место разрыва и сборки новых связей, что в результате становится базой для

зарождения новых явлений, категорий, взаимодействий и процессов. Принимая во внимание положения синергетической теории, мы можем интерпретировать этот новый вид пространства через призму неустойчивости, изменчивости и нелинейности. Это новое образование, в котором подвергается изменению сложившаяся иерархическая структура социальных взаимодействий, изменяются статусы социальных групп, закрепленные в пространстве, теряется идентификация акторов с определенными социальными группами, к которым они принадлежат и интересы которых отстаивают. Проведя аналогию с уже существующими научными концепциями, можно увидеть сходство такого представления с позицией английского ученого Т. Гоббса, изложенной в его работах, посвященных устройству общества и государства. Ученый говорит о естественном состоянии человека, в котором все люди равны, так как «природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей» [8, с. 93]. Иными словами, на начальном этапе все люди имеют равные способности и, как следствие, равные права претендовать на те или иные блага вокруг них. В рассматриваемом нами типе пространства его носителем выступает уже не социальная группа, а отдельный индивид, отстаивающий свои личные интересы и руководствующийся собственными мотивами. В данной работе предлагается понимать такой вид пространства как пространство политическое, именно оно будет интересовать нас в большей степени.

Специфика окружающего мира сегодня характеризуется быстро изменяющимися условиями деятельности, высокой социальной мобильностью, нестабильностью социально-экономических и политических факторов. Полностью контролировать окружающий мир, социальные и политические процессы невозможно. Уникальные события и флуктуации, способствующие этим событиям, могут иметь место только в неравновесной системе [9, с. 50]. Иными словами, политическое пространство открыто и многослойно, и даже «очень слабые возмущения, или флуктуации, могут усиливаться до гигантских волн, разрушающих сложившуюся структуру, а это проливает свет на всевозможные процессы качественного или резкого (не постепенного, не эволюционного) изменения» [5, с. 17]. Рассматривая категорию социального пространства, мы отмечали, что образ общества в нем опосредуется социумом как таковым. В отношении пространства политического под его родовой сущностью мы будем понимать категорию культуры. Культура является внешней средой по отношению к пространству, которое, если руководствоваться синергетической методологией, оказывается в неком «переходном» состоянии: с нарастанием нестабильности усиливается дифференциация социального пространства, происходит определенный разрыв детерминированных до этого момента целей. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда в развитии, заданном сверху вниз, наступает определенный пробел. Этот пробел должна заполнить качественно новая система, определяемая другим типом взаимодействий.

Культура как целое, являющееся внешней средой по отношению к вновь создаваемому пространству, наполняет его определенным содержанием, которое в итоге играет немаловажную роль в развитии самого целого. Важным элементом для целей данной работы является понимание того, как конструируется и развивается система, за счет чего поддерживаются ее связи с культурой. В раскрытии этих вопросов полезно обратиться к концепции В. Н. Южакова, анализирующего становление системы через развитие целого. Системный подход предполагает понимание самой системы с точки зрения целостности, специфическим образом расчлененной [10, с. 82–90]. Понять предназначение политического пространства в культуре возможно, когда мы анализируем целостную связанность всех этих составляющих. В. Южаков говорит о том, что «система возникает всегда не из множества взаимодействующих элементов, а из целого» [11], соответственно именно целое является первоисточником некого системообразующего фактора, который и задает вектор создания и дальнейшего развития конкретной системы. Система конструируется целым путем частичного расчленения целого для определенной «миссии». Для этого из целого выделяются специальные элементы, формируются особые отношения, конструируется структура, обеспечивающая реализацию этой миссии. Таким образом, политическое пространство отлично как от самой культуры, так и от ее частей. Оно функционально специализировано и определено, а также наделено теми элементами, отношениями, взаимодействиями, структурой, которые необходимы для реализации определенных «проявлений» культуры. «Неаддитивные» свойства системы, о которых говорит В. Южаков, не присущи частям целого, они выделяются целым для реализации системой отдельных его функций. Важнейшее преимущество системного подхода заключается в том, что на его основе осуществляется подбор условий осуществления функции или свой-

ства целого системой и, как следствие, подбор необходимых для этого составляющих. Важно отметить, что появление системы происходит в результате взаимодействия целого с окружающей средой, причем это взаимодействие должно привести не просто к изменению частей целого, а к изменению целостных свойств и функций (неаддитивных), которые в дальнейшем и станут основой новой системы. Принимая во внимание уже отмеченный ранее тезис о том, что исходным пунктом развития системы является зарождение системообразующего фактора, можно утверждать, что данный системообразующий фактор в исходном состоянии – «изменение взаимодействия целого со средой» [11, с. 33]. Другими словами, системообразующий фактор обеспечивает взаимодействие элементов целого и зарождающейся системы, точнее, решающие изменения в этом взаимодействии.

Отношения, формирующие политическое пространство, связаны с взаимообратной деятельностью и носят интерактивный характер. Соответственно в политическом пространстве происходят не просто взаимодействия, а интеракции, при которых субъект, совершающий некое действие, предчувствует ответную реакцию и с учетом этого ожидания корректирует свою деятельность. Интерактивные процессы подробно исследовал Д. Г. Мид, рассматривавший социальное взаимодействие не только как процесс, происходящий между индивидами, но и как процесс внутриличностный. По мысли ученого, индивид находится во взаимных отношениях не только с окружающей средой, но и постоянно взаимодействует с самим собой. В результате того, что «индивид может слышать то, что он говорит и, слыша это, стремится откликнуться так же, как откликается другой» [12, с. 218], он начинает относиться к себе так, как относятся к нему другие, т. е. становится объектом воздействия для самого себя.

Системообразующий фактор позволяет новым элементам, возникающим в ходе процесса развития, интегрироваться в систему, сохранять целостность политического пространства как такового. Как было отмечено ранее, системообразующий фактор включает в себя бытие будущих вещей в настоящем. Такая проекция будущего дает возможность форматировать новые элементы, появляющиеся в процессе эволюции системы. Причем необходимо говорить не только о взаимодействии элементов внутри самой системы, но и об отношениях элементов системы и целого. Логично предположить, что и внутренние, и внешние взаимодействия приводят к определенным изменениям системы политического пространства. Политическое пространство несет в себе возможности для развития, а культура выступает одновременно фильтром и наполнителем этих возможностей, поскольку содержит в себе условия развития системы. Взаимодействие целого и системы предстает как внешнее оформление системы при помощи специального инструмента – системообразующего фактора. Системная целостность политического пространства обеспечивает его саморегулируемость и устойчивость, сохранение целостности вне зависимости от внутренних и внешних воздействий. В итоге в постоянный динамический процесс развития и формирования политического пространства вовлекаются все новые изменения развивающегося объекта, обеспечивается преемственность форм целостности на всех этапах развития [11].

1. Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1980. – 675 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Том III. – М. : Искусство, 1974. – 383 с.
3. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Поле и относительность. [Электронный ресурс]. – URL: http://alexandr4784.narod.ru/historyei.htm (дата обращения: 31.01.2011).
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992 // Библиотека российского гуманитарного интеренет-университета [Электронный ресурс]. – URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/sorokin_chelovek/default.aspx (дата обращения: 31.01.2011).
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986. – 432 с.
6. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов». Социология политики / пер. с фр. Е. Д. Вознесенская. Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1998 // Социологическое пространство Пьера Бурдье [Электронный ресурс]. – URL: http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-genezis-klassov (дата обращения: 31.01.2011).
7. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 94–121.
8. Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. / под общ. ред. В. В. Соколова / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989–1991. – 735 с.
9. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.
10. Садовский В. Н. Основания общей теории системы. М., 1974. – 279 с.
11. Южаков В. Н. Система, целое, развитие. Саратов : Изд-во СГУ.,1981. – 412 с.
12. Мид Д. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 215–223.